

У меня отвисает челюсть, когда я возвращаюсь в нашу комнату с упакованной едой от хозяина и вижу Какаши с фиолетовым макияжем на веках и под глазами и в коричневом парике. Макияж идеально скрывает его вертикальный шрам, и я задыхаюсь, когда он смотрит на меня - на нем светло-серые линзы. Он смеется, когда видит мое выражение лица, и подходит ко мне.

— Хорошая маскировка, — говорю я, дотрагиваясь руками до его парика.

Он обнимает меня за талию, а затем быстро целует мои губы.

— Готова идти?

— Еще нет, — отвечаю я и целую его еще раз.

Мне еще нужно надеть бордово-красный парик; Я завязываю волосы в низкий тугий пучок, а затем закрепляю парик на голове шпильками. Какаши протягивает мне рюкзак, как только я заканчиваю, и мы покидаем источники.

— Если мы не сделаем еще один перерыв, мы доберемся до пограничного города с наступлением темноты, — говорит он мне в полдень, когда мы останавливаемся на обед, и я киваю.

Закончив есть, я иду к ближайшей реке, чтобы ополоснуть лицо холодной водой. Расслабившись в течение трех дней в онсэне, я чувствую, что стала действительно ленивой, потому что я настолько ослабила бдительность, что поняла, что кто-то находится позади меня, когда он толкает кончик острого ножа мне в спину...

— Повернись, медленно, — говорит он мне, и я подчиняюсь. Судя по внешности, он обыкновенный вор. — Не кричи, или я испорчу твоё красивое личико, — говорит он с ухмылкой, обводя мою нижнюю губу кончиком ножа, а затем медленно поднимает его из уголка рта к левому глазу.

Я сжимаю его запястье, прежде чем он даже осознает, что происходит, затем поворачиваю его так, чтобы его нож пронзил его собственное горло. Затем я пинаю его в грудь, отталкивая от себя, чтобы его кровь не забрызгала мою одежду. Я мою руки в реке, чтобы убедиться, что они безупречны, и когда я возвращаюсь к Какаши, я обнаруживаю еще трех воров без сознания на земле.

— Все хорошо? — спрашивает он меня, и я киваю. — Есть другие, прячущиеся среди деревьев.

Я стону, проводя рукой по лбу, и он хихикает.

— Я обленилась на источниках, — признаю я, а затем завязываю волосы в низкий хвост. — Я предлагаю пари. Тот, кто побеждает меньше бандитов, должен выступить на фестивале перед всеми.

Какаши скривился, затем покачал головой.

— Не произойдет.

Я пожимаю плечами и бросаю кунай в сторону большого дерева; мы слышим короткий крик боли, прежде чем мужчина падает с высокой ветки.

— Один есть, — говорю я, ухмыляясь.

— Не могу поверить, что ты победил меня, — усмехаюсь я, кусая данго.

Он хихикает, когда видит, как я дуюсь, затем обнимает меня за плечи.

— С нетерпением жду твоего выступления. Что ты планируешь делать?

— Исчезнуть из виду и заставить тебя искать меня в оставшиеся два дня нашего отпуска, — отвечаю я, показывая ему язык. — Ты выиграл только потому, что я не использовала Шаринган.

— Не будь неудачницей, детка.

Я ударила его локтем в бок, и он рассмеялся, поэтому я не смогла удержаться от улыбки.

Уже поздняя ночь, когда мы наконец добираемся до города, но нам удается найти комнату в прилично выглядящей гостинице; фестиваль не так популярен, чтобы город переполнялся туристами, поэтому Какаши в первую очередь согласился на это. Даже с нашей маскировкой, возможно, кто-то сможет отследить передвижения Хокаге, если будет достаточно мотивирован.

— Смотри, такаяки! Я хочу и это тоже!

Какаши качает головой.

— Это седьмой заход, как ты еще можешь есть?

Я тяну его за рукав свободной рубашки, надувая губы.

— Я сказала такаяки!

— Хорошо, хорошо, — вздыхает он, когда я тащу его к продуктовой ларьку. Он заказывает мне, пока я ищу более вкусную еду, и тут я слышу это. Это всего лишь инструментальная часть песни, но я уверена, что это та же самая, что я слышала на последнем фестивале, который я посетила.

Я улыбаюсь и беру жареный шарик из осьминога, когда он приносит мне заполненную до краев бумажную коробку, затем беру его за руку, переплетая наши пальцы.

— Готов к моему выступлению? — спрашиваю я его, затем указываю на троих мужчин, играющих на скрипке в нескольких футах от нас. Я не жду его ответа, кидаю золотой шарик в рот и подхожу к ним. После подтверждения песни и просьбы разрешить мне спеть - они с радостью соглашаются - я сажусь среди них, а затем, улыбаясь, подмигиваю Какаши. Он удивленно улыбается мне в ответ; Я позволила трем мужчинам поиграть на скрипке целую минуту, но когда я начала петь, его удивление превратилось в трепет. Подходят и другие люди, которых привлек мой голос.

Когда я пою, я чувствую, что мои глаза наполняются слезами; последний раз, когда я слышала эту песню, был также последним разом когда я тусовалась с моим лучшим другом перед его смертью. Я смахиваю слезы и не позволяю своему голосу дрогнуть на протяжении всей песни, а когда она закончивается, я благодарю мужчин, и они кланяются передо мной, сияя от счастья. Люди, которые собрались вокруг нас, пока я пела, бросили кучу денег в их картонные

коробки.

— Я не знал, что ты умеешь петь, — говорит мне Какаши, когда я присоединяюсь к нему. — У тебя потрясающий голос, Саюри.

— Еще комплименты, пожалуйста, — отвечаю я, и он, смеясь, обнимает меня за талию. — Я должна была тебе это выступление.

— Мне понравилось. Хочешь еще что-нибудь съесть?

Я киваю.

— Давай найдем жареную лапшу.

Я убеждаю его поесть со мной, хотя он не любитель жареной еды, а затем мы направляемся в гостиницу.

Мы оба сидим на краю кровати, и я лениво смываю его макияж после того, как он снял контактные линзы, когда он говорит:

— Ты необычайно тихая

— Я просто устала, — отвечаю я, зевая. — Мне также немного грустно, что этот отпуск почти закончился.

— Я обещаю не позволять своим обязанностям удерживать меня от тебя, — говорит он, но я машу рукой.

— Я побеспокою тебя в твоём офисе, когда не буду готовить своих учеников до смерти к экзамену на чунина, не волнуйся, — говорю я ему, смеясь. — Вот, — говорю я, собирая использованные ватные диски, наполненные пурпурной косметикой. — Душ?

— Душ.

<http://tl.rulate.ru/book/58660/1505442>